

ОТ РЕДАКЦИИ

Повесть Валерии Алфеевой «Джвари» была написана в 1983 году под впечатлением от паломничества, которое она совершила вместе с пятнадцатилетним сыном в один из грузинских монастырей.

В монастыре Джвари, расположенном «там, где сливаясь шумят струи Арагвы и Куры», в то время еще не было монашесствующих. Валерия Алфеева посетила другой монастырь, но в повести заменила его название на более известное. Имена действующих лиц тоже изменены.

Повесть воскрешает подлинные судьбы и события, и это придаёт ей особую ценность. Перед нами не фантазия литератора, а воспоминание о том, как начиналось возрождение церковной жизни в одном из монастырей, — с богослужением в маленьком храме рядом с ещё не восстановленным древним,

с разговорами о вере и Боге, праздниками и искушениями, с солнечными днями и грозами. Валерия Алфеева показывает монахов живыми людьми, не идеализируя и не поэтизируя их. У каждого из них своя судьба, иногда изломанная и трагическая. Но каждый по-своему стремится приблизиться к Богу – найти Путь, и Истину, и Жизнь.

Написанная в ту эпоху, когда никакая литература на религиозную тему в стране не издавалась, повесть несколько лет пролежала в столе автора, пока не была издана почти трёхмиллионным тиражом в самом популярном журнале «Новый мир» в 1989 году. Это было первое художественное произведение нашего современника на религиозный сюжет, появившееся в России после семидесяти лет запрета на Бога.

Сегодня в книжных магазинах изобилие религиозной литературы, и никого не удивишь рассказами

о паломничествах. Но повесть «Джвари» уникальна не только потому, что была первой. Она отличается от многих других произведений на духовные темы своей яркостью, поэтичностью. Язык автора выразителен, даже изыскан, но в то же время лишен манерности или искусственности.

Это очень искренняя, сердечная и добрая проза. В ней всё подлинно, нет примеси фальши. И всё зримо, и пронизано радостью, словно залито солнечным светом оттого, что автор входит в бесконечный мир Православия, открывая для себя и для читателя «инаго бытия вечного начало».

Содержание

«Чертог Твой вижду»

11

«Да исправится молитва моя...»

29

Лорелея и другие

51

Грозы

77

«Что есть истина?»

103

Черноризцы

123

Тайная вечера

147

Искушения

167

Исповедь

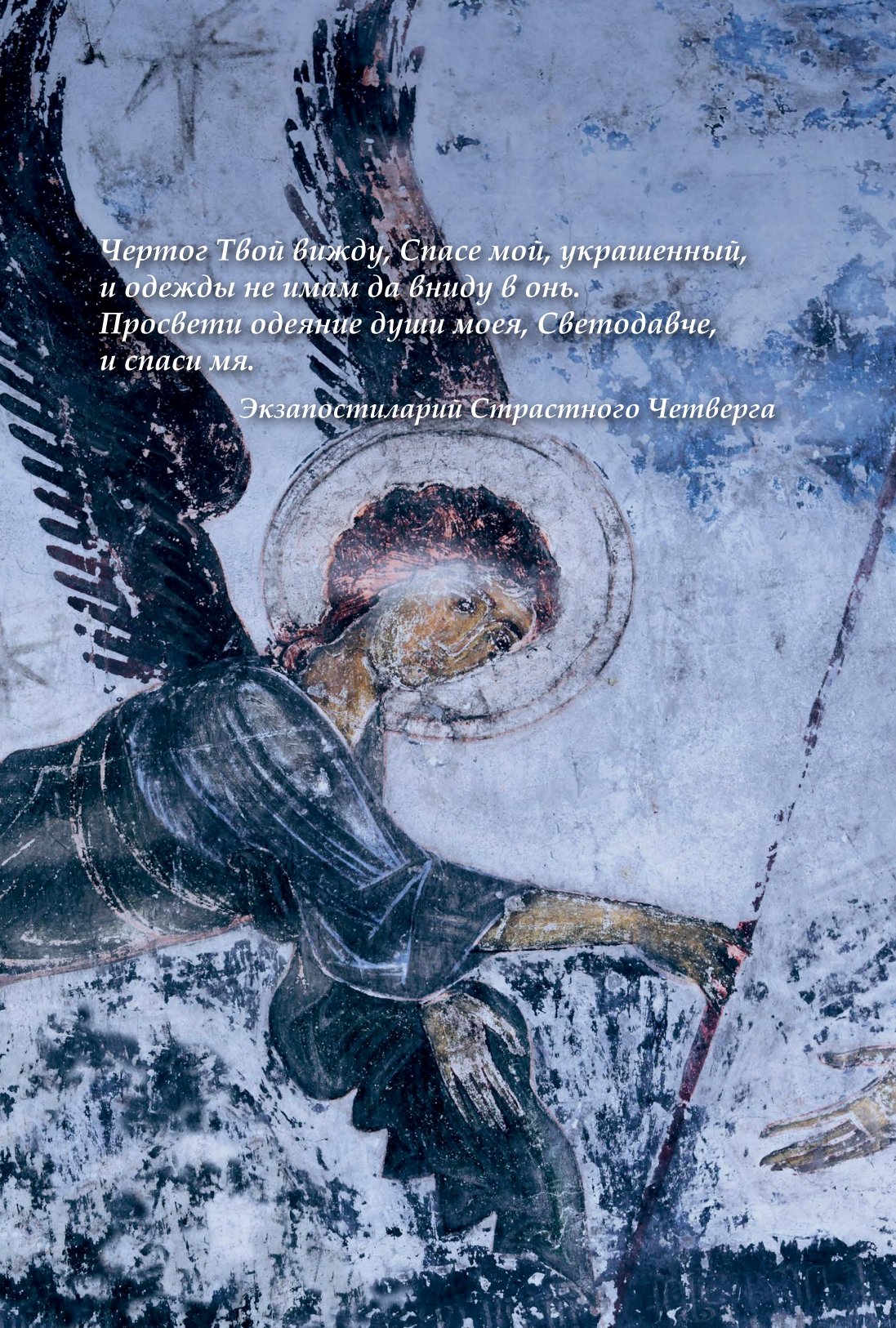
187

Посвящаю сыну

ДЖВАРИ

*Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный,
и одежды не имам да вниду в оны.
Просвети одеяние души моея, Светодавче,
и спаси мя.*

Экзапостиларий Страстного Четверга

«Чертог Твой вижду»

Отец Давид вел нас в монастырь.

Мы долго ехали на машине, а когда дорога кончилась, пошли через зеленый луг к лесу. За ним синели дальние горы. Июльское утро тихо наливалось солнечным светом и зноем.

Рыжебородый, в джинсах и клетчатой рубашке, с тяжелым рюкзаком, отец Давид неспешно шел по траве между мной и моим сыном и рассказывал, как сам был послушником в Джвари, впрочем, очень недолго.

— Жена спрашивает: «Ты что же, хочешь уйти в монастырь?» Я говорю: «Как не хотеть... Конечно, хочу». — «Можешь уходить, я тебя не держу». Я бросил жену и детей, стал послушником. Тогда и увидел, как «бесы выгоняют монахов в мир». По ночам просыпался от страха: казалось, что-то случилось и надо ехать домой, пока не поздно.

Вместе с игуменом мы и отправились на переговоры. Отец Михаил говорит Тамаре, моей жене: «Давид

будет хорошим монахом. А как ты одна вырастишь троих детей? Может, ты сгоряча его отпустила?» У нас в Грузинской Церкви женатого человека могут принять в монастырь только если жена не против. Конечно, она отпустила меня сгоряча, от обиды. Да и я не должен был их оставлять: старшему сыну было только четыре года.

— Больше не хотите в монастырь?

— В монастырь я всегда хочу. Но придется подождать лет пятнадцать, пока дети вырастут, — смеется он.

С тех пор он впервые решился посетить Джвари — уже священником.

Дорога ведет через зеленый туннель из старых вязов.

Когда-то по ней шли арбы из монастыря и лежащих вокруг селений. Она давно заброшена и устлана отсыревшей прошлогодней листвой.

Потом кончается и эта дорога, дальше сухие тропинки разбредаются в перегретом лесу, поднимаются к перевалу.

Часа через полтора выходим на узкую седловину, переброшенную, как мост между двумя ущельями.

Справа ущелье раскрыто широко и тянется до горизонта. В глубине под нами черной точкой кружит коршун, обозначив высоту птичьего полета. Еще глубже сверкающей и будто неподвижной лентой вьется речка, разделяя лесистые склоны.

Слева ущелье узкое, сплошь заросшее. На противоположном его хребте стоят два тополя, похожие на заячьи уши, под ними поляна с одиноким хутором и стогами.

Отец Давид говорит, что хутор так и называют — Заячьи Уши. А вокруг далеко нет жилья и такие глухие леса, что очень просто уйти и не вернуться. Год назад ушел из монастыря пожилой реставратор и двадцать дней блуждал по горам, не встретив ни жилья, ни дороги, — нашли его через день после смерти. В другой раз дьякон, совсем молодой, шел в Джвари и сорвался с этой седловины.

Митя стоит на валуне над обрывом и смотрит вниз — тоненький мальчик с выгоревшими волосами под чистой небесной голубизной.

— Жалко... — говорит он, — даже священником не успел стать.

Отец Давид поднял голову.

— Ты думаешь, если священником стал, можно и умирать?

Он прислонился рюкзаком к стволу: рюкзак мы вместе набивали кругами свежего хлеба, сахаром, чаем, крупами, а еще пакетами мясного супа для монастырских собак.

Пока мы отдыхаем, он рассказывает, как двенадцать лет назад увидел Джвари впервые. Шли с другом весь день, заблудились, устали и уже не надеялись найти монастырь, когда вышли на седловину. Она показалась опасно узкой. Друг пошел один посмотреть, что за ней. Потом позвал.

— Был сентябрь... В ущельях уже темнело. А над монастырем солнце садится, и лес вокруг желтый, красный, зеленый. Ржавая крыша храма тоже показалась золотой на закате...

Когда он умолкает, лицо кажется закрытым, пока не озарится внимательным взглядом. А сейчас в глазах его как будто еще стоят отсветы того заката.

— Я попрошу о вас, Вероника... Но думаю, что это не поможет. Вы — исключение уже потому, что придете со мной. Игумен никому не разрешает приводить женщин. Он свою мать принимает только на двадцать минут.

Что это был бы за монастырь, если бы туда ходили матери, сестры, подруги?

Отец Давид шел впереди по крутому склону. Потом остановился, впервые за всю дорогу снял рюкзак и, глядя вниз, в просвет между деревьями, перекрестился.

Мы оказались на краю чаши, замкнувшей светлый горный простор. Над ним стояла прозрачная синева с летучими облачками. Горы нисходили к середине чаши зелеными склонами, уступами, желтыми обрывами. И там, в центральной точке видимого мира, над зеленью поляны стоял древний светлый храм с высоким барабаном и пирамидальным куполом. Храм завершал собой этот наполненный зноем, солнцем и тишиной простор, был его светящейся сердцевиной.

— Если крикнуть отсюда, там услышат... — И отец Давид приложил ладони ко рту. — Мамао¹ Микаэл! Ма-мао Ми-ка-эл!

Отозвалось только дальнее эхо.

Тропинки вливались в узкие ложа давно пересохших ручьев. В пору таяния снегов они несутся здесь, оставляя в каменистой породе ступенчатые изломы. А теперь мы спускаемся по ним, хватаясь за обнаженные корневища, опираясь на оба берега сразу. У чистой речки, мелко разлившейся по дну ущелья, сделали последний привал и умылись. Оставался подъем на противоположный склон. Ворота были закрыты. Мы поднялись вдоль стены, во-

¹ Отец (*груз.*)

шли в калитку и оказались возле открытой террасы второго этажа старого дома. Оттуда по каменной лесенке спустились вниз.

Отец Давид опередил нас, и мы не видели первые мгновения встречи.

А когда мы вошли, трое мужчин в черных монашеских одеждах стояли, поднявшись из-за стола. Трапезная показалась полутемной после ярчайшего дня. Ближе всех ко мне стоял высокий худой монах в вязаном жилете и шапочке, похожей на лыжную и сдвинутой чуть набок. Он улыбался, близко посаженные глаза рассматривали меня с живым интересом.

Я молча поклонилась и подошла под благословение.

Он благословил, но не протянул для поцелуя руку, как обычно, а только слегка коснулся ладонью моей головы. И так же благословил сына.

Сели за стол. Игумен во главе его, отец Давид рядом. Напротив меня — монах с угольно-черными глазами и густой бородой, назвавшийся иеродиаконом Венедиктом. Только невысокий послушник, тоже черноглазый и чернобородый, в скуфье, в подряснике, подпоясанном ремнем, остался стоять.

Дощатый стол и две деревянные скамьи с потемневшими прямыми спинками занимали почти всю трапезную. Глиняное блюдо с крупно разломленным лавашем стояло посередине, между блюдами с помидорами, огурцами, зеленью. В открытой банке варенья гудела оса.

Отец Давид произнес несколько фраз по-грузински. Игумен чуть приподнял брови и склонил голову, глядя на меня так же открыто, доброжелательно, но и слегка насмешливо:

— Надо благодарить Бога и радоваться. С вами произошло чудо... Сколько сейчас людей имеют глаза — и не видят, имеют уши — и не слышат...

— Да, чудо... — отозвалась я. — Так мы и живем последний год — радуемся о Боге и благодарим.

— И сын разделяет... эти настроения?

— Разделяет... — серьезно и с некоторой поспешностью ответил сын.

Все засмеялись.

Послушник поставил перед нами кастрюлю и чистые миски.

— Суп остынет... — Отец Михаил поднялся. — Извините нас, у монахов не принято сидеть за столом с женщинами — трапеза тоже имеет мистический смысл. Пообедайте, потом мы еще поговорим.

Он остановился в дверях, касаясь притолоки верхом шапки, помолчал, посмотрел внимательно на нас обоих, улыбнулся и вышел.

Отец Давид по-грузински прочел «Отче наш»:

— Мамао чвено... — первые слова, которые я запомнила на грузинском языке.

Я разлила суп — в зеленоватой водице плавали стручки фасоли, кусочки картошки и моркови.

— Это Арчил, послушник, суп варил, — пояснил отец Давид поощрительно, когда все вышли.

— Ничего, пища благословленная, — ответил Митя.

Зато очень вкусен был лаваш с зеленью, ломтиками помидоров и огурцов. Арчил открыл банку сгущенки. И после ухода отца Давида мы еще пили чай, утоляя долгую жажду и отдыхая от жары.

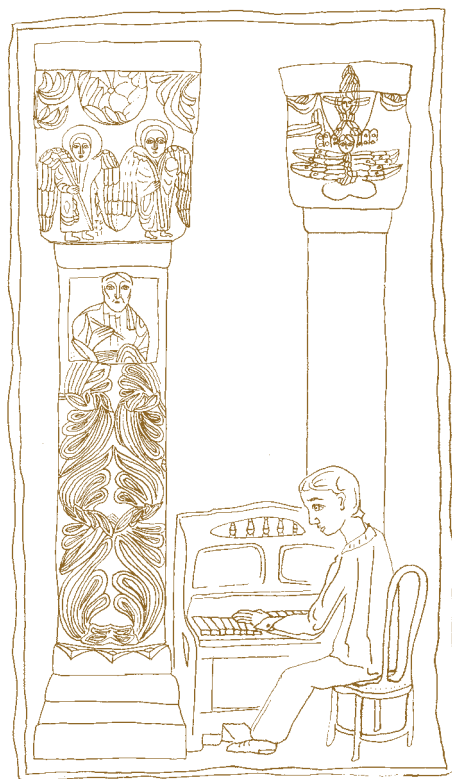
Свет падал через дверной проем и зарешеченное окно, выходящее в заросший травой монастырский двор. Мы огляделись. В углу застекленный шкафчик с продуктами, напротив двери — тумбочка и узкая койка. У стены сложены матрацы и одеяла, очевидно, приготовленные для будущих насельников монастыря. Три иконы над столом, литография с иконы Богоматери. Подсвечники на две свечи с оплывшим воском, большие глиняные кувшины. Все просто, строго и будто уже знакомо.

Вышли в тень под навесом террасы, опирающейся на столбы.

За чертой тени в высокой траве, как полупрозрачные светильники, нанизанные на стебель, горели желтые мальвы.

Джвари был огромен. Изломы крыши, сверкающей новым листовым железом, возносились над сосной, а купол плыл в облаках.

Изнутри храм сплошь в лесах. Под ними, в отделенной от алтаря части с жертвенником, Митя увидел фисгармонию. Открыл крышку, и сильные звуки отозвались под куполом.

— Фисгармония может стоять сто лет и не расстроиться... — Он сел спиной к жертвеннику и принялся импровизировать.

Я устроилась на досках рядом.
Полоса света падала через оконный проем, проявляя часть фрески.

Подошел Венедикт и молча опустился на корточки у стены рядом с фисгармонией. Так он и сидел неподвижно, расставив согнутые в коленях ноги, облокотившись на колени и сплетя пальцы. Выгоревшая вельветовая ряса, когда-то синяя или фиолетовая, давно потеряла цвет, из-под ворота торчали тесемки нижней рубахи. И сапоги задубели, потрескались, порыжели. Смотрел он слегка исподлобья, и темный взгляд был сосредоточен на чем-то, не относящемся к нам. Сильно лысеющая со лба голова, вмятина на переносице, как будто перебитой, черные, крупно вьющиеся волосы и мелко вьющаяся черная борода — в лице была характерность и выразительность, но выражение его не было мне понятно.

— А ты можешь сыграть, что будут петь на панихиде по мне? — спросил он вдруг.

— Нет...

— Ты еще в похоронах не понимаешь. Сколько тебе лет?

— Уже скоро будет шестнадцать.

Венедикт неопределенно покачал головой, как будто ожидал большего. Так они переговаривались в паузах, потом Митя увлекся — он мог играть часами. Некоторое время спустя я обернулась: игумен сидел на нижней перекладине лесов и слушал, подперев кулаком щеку, а отец Давид стоял рядом. И Митя заметил их.

— Ты играй, не отвлекайся, — сказал игумен. Но все, конечно, сразу отвлеклись.

Вместе стояли под лесами. Отец Михаил говорил, что храм построен еще при царице Тамаре, в двенадцатом веке. Некий царедворец, князь Орбелиани, участвовал в заговоре против нее. Заговор раскрыли, князя насильно постригли в монахи и выслали сюда. Он дал обеты не по своей воле, но считал, что перед Богом обязан их исполнить. Джвари он строил для себя, и это был один из самых богатых монастырей.

— А теперь, если хотите, я покажу вам его келью.

Венедикт принес ключи, открыл тяжелую дверь в пристройке. Отвалил настил из досок, как крышку люка. Под ним обнаружился спуск в подвал. Мы сошли по перекладинам и оказались почти в полной темноте. Игумен зажег три свечи, и в зыбком свете, отбрасывающем наши бесформенные тени, обозначился провал в стене.

— Наклоните головы и войдите. Не пугайтесь, там сложено то, что осталось от прежних монахов.

Дневной свет совсем не проникал в этот земляной мешок. Митя обвел свечой низкий потолок, дощатый барьер вдоль стены...

Несколько черепов лежало за барьером, под ними тускло белела грудка костей.

— Скоро и мы будем так выглядеть... — мрачно пообещал Венедикт, должно быть, склонный к гробовому юмору.

— Надо почаще сюда заходить, чтобы не забываться. А мне лучше вообще остаться здесь.